

УДК 323

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_59

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ: АКТОРЫ, СПЕЦИФИКА, ПОСЛЕДСТВИЯ

Александр Владимирович Скиперских,

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина,
Елец, Россия,
pisatels@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.09.2021, принята к публикации 17.11.2021

Для цитирования: Скиперских А.В. Политика памяти о Великой Отечественной войне в Липецкой области: акторы, специфика, последствия // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 59-77. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_59

Аннотация

Политические акторы в интересах своей легитимации активно используют исторические сюжеты, апеллируя к важным событиям истории страны, отдельно взятого региона, ярким и эффектным локальным историям. Целью настоящей статьи является исследование политики памяти в Липецкой области. При этом самым актуальным дискурсом, в котором может рассматриваться региональная политика памяти, являются события Великой Отечественной войны, охватившей часть территории нынешней Липецкой области. Особый интерес для исследования представляют последствия реализуемой властью политики памяти и ее критика в публичном дискурсе. В качестве теоретической основы исследования используются ключевые сюжеты недовольства мемориальными практиками власти, описанные немецкой исследовательницей А. Ассман. Эти сюжеты проецируются на липецкий кейс. Акцентируется внимание на том, что власть контролирует меню интерпретаций, что распространяется на всю вертикаль, достигая коридоров власти Липецкой области и ее муниципалитетов. Автор на ряде конкретных примеров показывает, как каче-

© Скиперских А.В., 2021

ство коммеморативных практик иногда подводит власть. Это вызывает негативные эффекты, способствующие появлению сомнения в искренности самих исполнителей. В статье обращается внимание и на локальные истории недовольства действиями власти. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что, с одной стороны, липецкая политика работы с памятью о Великой Отечественной войне является частью национальной политики памяти, следующей из федерального центра. С другой стороны, исторические и культурные особенности каждого субъекта Российской Федерации могут вносить свои коррективы в генеральный сценарий коммеморации. Исходя из этого, можно говорить о связи содержания политики памяти в Липецкой области с территориальной и пространственной спецификой региона.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, власть, легитимация, делегитимация, политика памяти, дискурс, Липецкая область, мемориальная культура.

UDC 323

DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_59

THE POLITICS OF MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE LIPETSK REGION: ACTORS, SPECIFICS, CONSEQUENCES

Aleksandr V. Skiperskikh,

Bunin Yelets State University,
Yelets, Russia,
pisatels@mail.ru

Article received on September 24, 2021, accepted on November 17, 2021

For citation: Skiperskikh, A.V. (2021). The Politics of Memory of the Great Patriotic War in the Lipetsk Region: Actors, Specifics, Consequences. *Discourse-P*, 18(4), 59–77. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_4_59

Abstract

To legitimize themselves, political actors actively use historical plots, appealing to important events in the history of the country, a particular region, bright and spectacular local stories. The purpose of this article is to analyze the politics of memory in the Lipetsk region. The most relevant discourse in which the regional memory policy should be considered is the events of the Great Patriotic War covered the part of the territory of the present Lipetsk region. The author is interested in the consequences of the politics

of memory implemented by the authorities and its criticism in public discourse. The key plots of dissatisfaction with the memorial practices, described by the German scholar Aleida Assmann, serve as a theoretical basis for the research. These plots are projected onto the Lipetsk case. It is emphasized that the government controls the menu of interpretations, which extends to the entire power vertical, reaching the corridors of power of the Lipetsk region and its municipalities. Using a number of concrete examples, the author shows how the quality of commemorative practices sometimes lets the authorities down. This causes negative effects, contributing to the doubts concerning the sincerity of the officials. The article also focuses on local stories of dissatisfaction with the actions of the authorities. The author comes to the conclusion that, on the one hand, the Lipetsk politics of memory of the Great Patriotic War is a part of the national memory politics implemented by the federal center. On the other hand, the historical and cultural characteristics of each constituent entity of the Russian Federation can make their own corrections to the general scenario of the commemoration. Therefore, it can be argued that there is a connection between the content of the memory politics in the Lipetsk region and its territorial and spatial specifics.

Keywords:

Great Patriotic War, power, legitimation, delegitimation, politics of memory, discourse, Lipetsk region, memorial culture.

Введение

Политический процесс, несмотря на свою ориентированность вперед, в будущее, предполагает постоянное обращение к прошлому. Политические акторы в интересах своей легитимации активно используют те или иные исторические сюжеты, апеллируя к важным событиям истории страны, отдельно взятого региона, ярким и эффективным локальным историям. Умелое обращение с прошлым с целью извлечения политических дивидендов превращается в определенную технологию, потому как анализ подобных кейсов позволяет увидеть много схожего.

В данном тексте мы постараемся провести исследование практик политики памяти в Липецкой области, определяя ключевых акторов, апеллирующих к обществу в интересах политической легитимации. Подобная политика имеет очевидные политические последствия (эффекты), которые мы также постараемся определить. Несмотря на внешне позитивные цели и смыслы подобных политик, акторов зачастую подводит само исполнение, что порождает весьма справедливую критику. Поэтому нас также будет интересовать, насколько данные практики являются реальными просчетами субъектов коммеморации, и каков может быть потенциал недовольства ими.

Содержание политики памяти в Липецкой области связывается с историческим контекстом создания самой административной единицы в составе РСФСР в 1954 г. Таким образом, складывается ситуация, когда у области отсутствует более или менее определенное прошлое (история ряда уездов в губерниях Российской империи – Орловской, Тамбовской и Тульской – не в счет). Поэтому

самым актуальным дискурсом, в котором может рассматриваться политика памяти в Липецкой области, являются события Великой Отечественной войны, охватившей часть территории нынешней Липецкой области.

В качестве теоретической модели нами использовались наиболее распространенные сюжеты недовольства мемориальными практиками власти, которые отмечает в своей работе немецкая исследовательница А. Ассман (2016).

В рамках данной статьи мы будем различать практики политики памяти «сверху» и «снизу», что позволяет сразу же определить их потенциальных критиков. Так, если мы имеем дело с политикой памяти самой власти, «сверху», то недовольство будет исходить от оппозиционных акторов и гражданского общества, проводящего альтернативную, параллельную политику работы с прошлым. Восторг правящей элиты в таком случае будет подавляться безразличием и даже критикой остальной части общества. И, наоборот, процессы коммеморации «снизу», со стороны гражданских сил, могут вызвать логичный скепсис со стороны власти. Нужно понимать, что любая альтернативная инициатива связывается с разрушением политического монолита власти, гнездящейся, следуя логике Р. Барта (1989), в «любом дискурсе, вне зависимости от его сферы» (с. 547).

В данном исследовании нас интересуют практики коммеморации «сверху». В интересах своей легитимации власть постоянно апеллирует к событиям собственной героической истории, подключаясь к ее энергетическому потенциалу в условиях дефицита реальных поводов для гордости. В случае Липецкой области, возможно, так и происходит, потому как узнаваемость региона за его пределами связывается с известным авиацентром, созданным еще до войны, и несколькими крупными предприятиями, но только не с какими-то яркими историческими событиями, занимающими важное место в контексте истории России.

Как отмечает А. Ассман (2016), для памяти характерен «дефицит пространства» (с. 176). Поэтому вне зависимости от сюжетов и форм работы с прошлым у их субъектов может возникать ощущение, что им не хватает места для производства воспоминаний, что они каким-то образом ущемлены в этом, связаны пространственной теснотой и сопротивлением каких-либо недоброжелателей. В принципе любая практика коммеморации может объясняться именно этой логикой.

Политика памяти подчинена смыслам, лежащим в основании функционирования современных политий. Как отметил Ги Дебор (2011), современное общество подчинено спектаклю и «является зрелищным в самой своей основе» (с. 12). И если политика обладает несомненным зрелищным потенциалом, так необходимым обществу, то, соответственно, зрелищные эффекты могут присутствовать практически везде, где политическое актуализирует себя. Спектаклярный характер современных процессов не ускользнул и от Д.С. Лихачева (1989), отмечавшего потребность человека в «аттракционе» (с. 337).

Согласно наблюдениям А. Ассман, может существовать семь поводов для недовольства практиками коммеморации. Все они, за исключением одного, так или иначе присутствуют в информационном дискурсе России вне зависимости от уровней политики¹.

¹ То, что А. Ассман отмечала применительно к послевоенному германскому

Каждый политический локус по-своему управляет своей памятью, равно как и следует политическим трендам более высокого порядка, будучи подчиненным им. В качестве таких поводов называются *раздражение практиками коммеморации, политкорректность, реваншизм, забывание памяти, хореография, расхождение между декларациями и практическим воплощением, приблизительность интерпретаций*. Все отмеченные сюжеты недовольства, за исключением реваншизма, так или иначе присутствуют в Липецкой области. Попробуем разобрать каждый из них.

1. Раздражение практиками коммеморации. В России за последние годы усилились информационные акценты, связанные с событиями Второй мировой войны. Правящий класс понимает важность одной из немногих скреп, по поводу которой существует консенсус с обществом. Нарастивание давления, постоянные призывы помнить, не забывать, хранить и уважать память здесь являются объективными, потому как вместе с моральными основаниями несут в себе и весьма прозаические смыслы, связанные с воспроизводством власти, продлением ее жизненного цикла. Как отметил польский политолог А. Боднар (1991), для современного общества характерно снижение подпитки «исторической почвой», что объясняет попытки власти «призывать на помощь традиции и образцы прошлого» (с. 295).

Вместе с тем периодически могут возникать основания для раздражения чрезмерной интенсивностью напоминаний о данных событиях. Нужно понимать, что в современной России любые массовые мероприятия невозможны без высокой мобилизации, что изначально предполагает достаточно высокую степень принуждения. Мероприятия в учебных заведениях, библиотеках, спортивных объектах проводятся «сверху» и помимо педагогического и информационного эффекта несут в себе и обратную реакцию, вырабатывающую сопротивление данным инициативам. В полной мере это относится и к ситуации в Липецкой области. В частности, много сил отнимает проведение военного парада в Ельце – городе воинской славы. Многочисленные репетиции военных парадов предполагают мобилизацию учащихся учебных заведений, что тоже является поводом для недовольства. Вместо учебных занятий и периода подготовки к ЕГЭ многие старшеклассники должны участвовать в данных мероприятиях. Военный парад предполагает, что в нем должен участвовать и офицерский состав липецкого авиацентра. Перед 9 Мая можно часто видеть автобусы из Липецка, привозящие участников парада на репетиции. Военный парад разрывает логистику в городе. Привычные автобусные маршруты меняют направления и остановки, о чем заблаговременно предупреждают горожан. Наряду с этим все чаще можно увидеть, как власть пытается комбинировать историческую политику и спорт. Проводятся спортивные мероприятия в честь каких-то исторических событий, футбольные и волейбольные турниры, кроссы, забеги и т. д., что сложно укладывается в голове многих людей.

обществу, принадлежит именно ему. Но это не означает, что подобные формы недовольства не могут схематизироваться применительно к другим системам. Правда, в этом случае необходимо говорить о поправках и коррекциях в зависимости от истории участия того или иного государства в событиях Второй мировой войны. Отсюда, применительно к сегодняшней России, наследующей советскую героическую славу, будет лишним описывать кейс реваншизма.

Все чаще можно увидеть, как в муниципалитетах открываются новые меметические пространства, посвященные Великой Отечественной войне. Обустройство подобных мест, как правило, осуществляется по одной схеме. Практически в каждом муниципальном образовании можно найти памятник с танком, гаубицей или истребителем. Довольно много таких памятников в Тербунском и Воловском районах Липецкой области, где как раз проходили ожесточенные бои. Вероятно, в частых коммеморативных практиках в указанных муниципалитетах, соседствующих между собой, можно увидеть и фактор бывшего губернатора О.П. Королева, биография которого напрямую связана с Тербунским районом.

В 2015 г. в Липецке на площади Победы была возведена 38-метровая стела Победы. Власть как будто испытывает дефицит пространства, чтобы напоминать о героических событиях прошлого. В свое время именно эту тактику власти видел скульптор Э. Неизвестный (1991), говоривший о «занятии места» официальной культурой (с. 38). Новые меметические пространства не всегда гармонируют с уже сложившимся городским ландшафтом. Тем не менее интересы власти соответствовать федеральному тренду практически всегда превалируют над рациональным и эстетическим началом.

В преддверии 75-летия Победы появились такие формы работы с прошлым, как «Блокадный хлеб» и поздравления ветеранов. Данные практики моментально визуализировались исполнителями в социальных сетях. Ветеранов приглашали на различные мероприятия в администрации, где вручали юбилейные медали. Системность коммеморации можно отследить по выложенным постам в Instagram всех глав 18 муниципалитетов Липецкой области. Налицо значительное сходство в самих подходах к фиксации кейсов работы с памятью. Однообразность и схематичность постов чиновников только усиливает ощущение, что подобные инициативы перепроверяются «сверху». Подобная старательность глав муниципалитетов и глав сельских администраций объясняется необходимостью доказать факт проведенного мероприятия для вышестоящего руководства. О поздравлении ветеранов непосредственно на дому отчитывались практически все главы сельских администраций, приезжавшие по конкретным адресам с творческой поддержкой. В некоторых случаях можно было увидеть патриотические стилизации, когда сопровождавшие чиновников школьники и активисты были наряжены в реплики военной формы.

Практики коммеморации в муниципалитетах Липецкой области синхронизированы с другими подобными кейсами работы с памятью, создающимися по России в целом. Данные практики не всегда выглядят логично, что снова вызывает справедливые вопросы относительно целесообразности таких акций, их ценностного значения. В качестве примера можно привести различные сплавы по рекам, однодневные зимние походы. Это относится и к акции «Рекорд Победы», когда участникам предлагается совершить количество отжиманий, равное мирным дням после 9 Мая 1945 г. Успешность акции зависела от массовости, что ограничило площадку ее проведения Липецком, Лебедянью и Ельцом. Отсутствие общественного консенсуса накладывает свой отпечаток на реакцию на праздничный салют. Может быть популярным мнение о том, что выделенные средства полезнее было бы израсходовать по-другому.

Наряду с отмеченными формами коммеморации, вызывающими справедливые вопросы, имеют место и вполне компромиссные мероприятия. Так, в Липецкой области уже шесть раз проводился межрегиональный фестиваль военной песни «С винтовкой и гармонью». Практически к каждой годовщине событий 9 Мая те или иные кейсы памяти о войне фиксируются в мемориальных досках или других твердых формах коммеморации.

По мере приближения героической годовщины могут возникать новые мифы о прошедшей войне, в которых уже сложно отделить правду и вымысел. Как отмечал А. Ф. Лосев (1991), «мифом пропитана вся повседневная человеческая жизнь» (с. 67). Показателен кейс с легендарным конструктором М. Т. Калашниковым, лечившимся в елецком госпитале. Среди ельчан существует миф, что конструкция автомата им придумана именно в Ельце.

Несмотря на критические голоса, властью уверенно поддерживается курс на постоянное напоминание обществу о героической дате отечественной истории. Победный миф оказывается очень выгодным для современной политической элиты, для В. В. Путина и выбранного им политического курса. Связь с этим мифом становится важным уточнением, естественной цепочкой, подчеркивающей преемственность политики. По мнению Н. Г. Щербининой (2002), именно естественный миф оказывается действенным, потому как «незаметно проникает и в технологические искусственные конструкции» (с. 34).

На наш взгляд, раздражение практиками коммеморации является наиболее популярным сюжетом недовольства мемориальной культурой, в полной мере находя себя в кейсе Липецкой области и неся не совсем позитивные эффекты в целом благородной и справедливой миссии.

2. Политкорректность. Данный сюжет недовольства связан непосредственно с дискурсом власти, всякий раз выбирающей оптимальный язык говорения с обществом. Как правило, язык должен являться компромиссным и эталонным. Он желателен к воспроизводству обществом, несмотря на существующие в нем размежевания. И если такие существуют в отношении экономической ситуации, восприятию пенсионной реформы, отношении к выборам и вакцинации, поддержке политического курса и т. д., то в событиях, связанных с героической Победой, таких вопросов не остается. Другое дело, что они детализируются и уточняются.

Власть не всегда высказывается прямо и открыто по сложным вопросам истории. Более того, позиция зачастую замалчивается, уводится в сторону, что сообщает всей вертикали российской власти специфический образец для подражания. В полной мере это характерно и для нынешней Липецкой области. На наш взгляд, достаточно симптоматично выглядит история с установкой бюста И. В. Сталину региональным отделением КПРФ. Бюст установлен в день 70-летия Победы в 2015 г. и уже несколько раз притягивал к себе внимание вандалов. Сразу же после установки он был облит краской неизвестной женщиной в черной накидке, ударившей несколько раз по бюсту молотком. Резонансное нападение на бюст Сталина произошло 21 июля 2019 г., когда сразу четыре человека измазали его монтажной пеной и написали на нем «палач народов»². Выступая через

² Подробнее см. *Вандала, раскрасившего в Липецке памятник Сталину, сняла видекамера* (2015, 12 мая). Взято 27 марта 2021, с <https://chr.aif.ru/lip/incidents/>

два дня на коллегии УМВД РФ по Липецкой области, И.Г. Артамонов заявил о незаконности установки бюста: «Я узнал, что бюст Сталина установлен незаконно. А что незаконно, то должно быть удалено»³. Показательно, что еще и в начале эпопеи с бюстом Сталина прокуратура выносила предписание о демонтаже памятника, которое не было исполнено. Губернатором, по сути дела, признается, что у администрации есть все ресурсы для того, чтобы обеспечить исполнение закона и контроль над городским пространством. В то же время чувствуется, что липецкий губернатор является заложником федеральных трендов, диктующих не слишком увлекаться темой Сталина. Недосказанности его позиции добавляет и сложная история взаимоотношений с местным отделением КПРФ.

Половинчатость оценок официальных лиц является вынужденной. Политкорректность позволяет сглаживать резкую риторику, угрожающую региональной власти, всеми силами пытающейся нащупать поле для общественного консенсуса и сгладить протестную повестку.

Применительно к Липецкой области и ее муниципалитетам есть и другие практики несовпадения пафоса деклараций власти с необходимостью сохранения культурной и исторической памяти, а также примеры, когда власть не слишком критично реагирует на покушения на память о прошлом. В качестве примера можно привести атаку на памятник Ленину в Ельце в ночь с 8 на 9 ноября 2017 г.⁴ Тем самым складывается ощущение, что политика памяти муниципалитета не вызывает поддержки у определенных акторов и, даже наоборот, порождает сопротивление.

Трепетное отношение к окаменелостям прошлого свидетельствует как о политике местной власти, так и о симпатиях руководителей предприятий. Иначе, чем можно было бы объяснить такую асимметрию политики в отношении символических фигур советской государственности, героев революции и ВОВ? В этом, на наш взгляд, можно увидеть политкорректность. Советский текст часто можно увидеть на примере объектов твердой памяти. В частности, в с. Афанасьево Измалковского района Липецкой области можно увидеть памятник Ф.Э. Дзержинскому (рис. 1).

Из достаточно редких, но сохранившихся памятников в Липецкой области можно увидеть скульптурное изображение С.М. Кирова в Ельце (рис. 2), расположенное напротив офиса известкового завода.

В одном из своих исследований мы доказывали, как на примере Липецкой области постепенно размывается сегмент мемориальной культуры, связанной с событиями Великой Октябрьской социалистической революции (Скиперских, 2017). Такая политкорректность синхронизирует с федеральными трендами.

---

vandala_raskrasivshego_v_lipecke_pamyatnik_stalinu_snyala_videokamera; В Липецке четыре человека напали на отделение КПРФ. Они написали «палач народов» на бюсте Сталина (2019, 22 июля). Взято 27 марта 2021, с <https://meduza.io/news/2019/07/22/v-lipetske-chetyre-cheloveka-napali-na-otdelenie-kprf-oni-vzorvali-bombu-na-dveri-i-napisali-palach-narodov-na-byuste-stalina>

³ Игорь Артамонов: «Памятник Сталину в Липецке установлен незаконно» (2019, 23 июля). Взято 27 марта 2021, с <https://gorod48.ru/news/1864245/>

⁴ В Липецкой области неизвестные облили краской новый памятник (2017, 10 ноября). Взято 27 марта 2021, с <https://www.kp.ru/online/news/2926855/>

Рисунок 1 – Памятник Ф.Э. Дзержинскому, с. Афанасьево, Измалковский район Липецкой области (фото из архива автора)

Figure 1 – Monument to F.E. Dzerzhinsky, Afanasievo village, Izmailkovsky district of the Lipetsk region (photo from the author's personal archive)

К слову, 100-летний юбилей революции в России не оказался выдающимся событием и был подвергнут деликатному замалчиванию, не говоря уже о новых интерпретациях. Такое тактическое умолчание не ускользнуло от внимания исследователей. Одним из проявлений этого может быть история некоторых новых законодательных актов РФ, где понижается символический статус важных событий революции (Русакова, Кочнева, 2017, с. 18–19).

Как мы видим на примере подобных объектов материальной культуры, к ним по-прежнему может испытываться определенное благоговение, выдающее особый конструкт культурной памяти, о чем некогда высказывался американский исследователь Б. Андерсон (2016, с. 51).

Политкорректность следует увидеть и в попытках изобретения новых форм памяти – специфической коллаборации прошлого. Не только в Липецкой области, но и практически везде в России можно увидеть «двойные» названия улиц и площадей, в то время как названия советских городов (Куйбышев, Ленинград, Орджоникидзе и т. д.) постепенно забываются. Имперский период странным образом кажется более предпочтительным для запоминания – акцен-

Рисунок 2 – Памятник С. М. Кирову в Ельце (фото из архива автора)

Figure 2 – Monument to S.M. Kirov in Yelets (photo from the author's personal archive)

ты на нем постепенно размывают монополию советской памяти. Любая новая форма памяти, появляющаяся в пространстве муниципалитетов, считается тактичнее старой. Власть к этому имеет прямое отношение, потому как вопрос фиксации памяти в пространстве сегодня достаточно жестко регулируется. Вместе с этим конструирование событий, связанных с Великой Отечественной войной, получает дополнительное препятствие. Советская номинализация и подвиги, к которым апеллируют акторы, неразрывно связаны между собой. Любая попытка отделить событие, название, конкретного героя от героического потока истории вызывает откровенное недоумение.

3. Голос прошлого глуше. Советское прошлое постепенно отодвигается вглубь истории. Реальных свидетелей остается считанное количество. В частности, залегание вглубь памяти о событиях 1941–1945 гг. порождает серьезный вызов для правящего класса и для самого общества – память может быть искаженной, приблизительной. Задачей власти становится постоянное встряхивание общества и его мобилизация. О тех событиях нужно помнить, и практики власти все чаще оказываются направленными на усиление голоса памяти.

Наиболее популярные меры по реанимации памяти носят рекламный характер. Чтобы не забывали, нужно постоянно напоминать, акцентировать внимание, используя рекламные трюизмы. Попытки продвижения памяти о войне можно увидеть в практиках размещения билбордов по всей Липецкой области. К этому же кейсу следует отнести и движущуюся рекламу. Постепенно к 9 Мая рекламными напоминаниями расклеиваются автобусы городских маршрутов в муниципалитетах региона, а частные транспортные средства наклейками «Можем повторить», «Спасибо деду за Победу», «Трофей из Берлина». Реанимация памяти в данном случае может являться прикрытием для специфического жизненного стиля тех, кто пытается включиться в праздничный тренд.

Периодически в мемориальной культуре, связанной с памятью о войне 1941–1945 гг., встречаются фигуры, готовые заново испытать нечто подобное, что преодолели предки. Подобные фигуры несут в себе функцию напоминания, преодоления забвения. Здесь мы встречаемся с формами спектакулярности, привлекающими аудиторию, подключающую ее к созданному аттракциону. Одной из таких форм можно назвать конкурс «Парад колясок». В положении о конкурсе расписываются номинации, а победители и призеры награждаются администрациями.

Равно как и по всей России, липецкие родители переодевают своих детей в военную форму – реплику советской военной формы. Разрабатываются различные патриотические викторины. На сайтах липецких детских садов можно обнаружить информацию о проходящих мероприятиях, так или иначе посвященных юбилейной дате. В частности, в одном из детских садов прошла выставка «Парад военной техники».

Необходимость напоминаний о прошедшей войне способствует расширению и меню зрелищных событий. К марафону памяти подключаются досуговые учреждения, в репертуаре которых обязательно появляется что-то военное. В частности, с поправкой на карантинные мероприятия, в апреле 2020 г. Елецкий драматический театр «Бенефис» предлагал зрителям драматическую балладу А. Дударева «Не покидай меня». Липецкий драматический театр на Соколе анонсировал премьеру спектакля «Теркин, Теркин...» по мотивам поэмы А. Твардовского. Липецкий государственный академический театр драмы им. Л.Н. Толстого заявил показ спектакля «Соловьиная ночь» В. Ежова.

Приглушение голоса прошлого вызывает у областной администрации, равно как и у власти муниципалитетов Липецкой области, необходимость в практиках устройства новых мемориальных пространств и поддержке уже существующих в надлежащем состоянии. Память должна постоянно «говорить» для общества, свидетельствуя о героическом времени. Примеры военных инсталляций, конкурсов рисунков о войне, открытия памятников и скульптур, а также обустройства новых мест памяти могут обнаружиться практически в каждом муниципальном образовании Липецкой области.

Вместе с тем приглушение голоса прошлого может отчасти работать и на нынешнюю власть. Это касается сложных страниц советской истории, которые власть деликатно обходит стороной и не озадачивается необходимостью постоянно и назидательно комментировать их. В Липецкой области сегодня нельзя назвать популярными сюжеты коммеморации, связанные с издержками тоталитарного прошлого. М. Маколи (2011) справедливо вопрошает по этому

поводу: «Если правители предпочитают хранить молчание, откуда может возникнуть импульс к переосмыслению прошлого?» (с. 136).

Борьба за альтернативное пространство памяти становится уделом других акторов, для которых принципиально не замолчать темные страницы истории. Инициативу здесь принимает РПЦ. Последние годы были отмечены попытками зафиксировать политики напоминания по поводу пострадавших за веру, при этом деликатно умалчивается, что некоторые практики репрессий случились как раз в годы войны. Тем не менее на отдельных храмах и близлежащих строениях появились мемориальные доски (Елец, Лебедянский район и т. д.). Есть случаи появления упоминаний о репрессиях в форме обычных указателей возле храмов, где могли служить репрессированные священники (с. Знаменское Измалковского района). В целом нужно отметить, что альтернативное пространство памяти всегда является очень укромным, потому как противостоит мощной официальной линии. Бережливость в отношении подобных практик молчания и охранения прошлого всегда является принципиальным вопросом существования человека в непростые времена истории, о чем говорила Х. Арендт (2003).

4. Расхождение между декларацией и практикой. Поводом для недовольства может служить и несоответствие деклараций политиков реальной ситуации. Данный сюжет недовольства является популярным, ведь критикам политики памяти всегда может казаться недостаточным то, что делается для сохранения памяти о важных исторических событиях. В частности, если продолжать разговор по поводу памяти о героических событиях 1941–1945 гг., поводом для недовольства могут быть заявления о поддержке ветеранов, мерах по улучшению их жилищных условий, которые в итоге не оборачиваются реальными делами. Присутствие поддержки, тем не менее, может порождать критические рефлексии по поводу того, почему такое внимание не оказывалось раньше. Вызывают нарекания и практики поздравления ветеранов самой властью, когда радостные лица чиновников и их одежда на «дежурных» фотографиях для отчетов в социальных сетях контрастируют с состоянием самих ветеранов и их бытовыми условиями.

Сам по себе факт подключения к энергетикам памяти о войне является раздражительным и может ставить под сомнение любые партийные и политические мероприятия. Особенно актуально это в тот момент, когда политика памяти проводится представителями правящей партии⁵.

---

⁵ Как отметил депутат Госдумы ФС РФ В. Богодухов, региональный координатор партийного проекта «Историческая память», участвовавший в субботнике на Евдокиевском кладбище в Липецке, проведенное мероприятие – «наша дань уважения тем людям, которые сражались за Родину. На Евдокиевском кладбище похоронены солдаты, умершие от ран в госпиталях Липецка во время Великой Отечественной войны. Здесь покоятся легендарные летчики Леонтий Кривенков и Сергей Шерстобитов, ценой своей жизни в декабре 1968 г. спасшие сотни мирных людей от гибели. Надеюсь, что в этом году мы завершим начатое дело и придадим кладбищу статус военно-мемориального комплекса». Подробнее см. *Единороссы привели в порядок военные захоронения Евдокиевского кладбища* (2020, 21 марта). Взято 12 апреля 2021, с <http://lipetskmedia.ru/news/view/128569-Yedinorossi.html>. Непосредственная поддержка отделения «Единой России» присутствует в афише спектакля «Не покидай меня» Елецкого драматического театра «Бенефис», выступая молчаливым доказательством политизации «сверху» любых

Политика коммеморации в Липецкой области связывается с присвоением новых статусов и созданием специфических легенд и мифов о войне, что снова говорит преимущественно о виртуальных акцентах коммеморации вместо прямой и точечной работы по поддержке конкретных интересантов. В частности, недавно, на одной из сессий Липецкого областного Совета депутатов было принято решение о присвоении почетного звания «Населенный пункт воинской доблести» селу Стрелец Долгоруковского района и «Рубеж воинской доблести» – участку местности «Высота Огурец» Воловского района.

В качестве отдельного кейса недовольства практиками коммеморации в контексте расхождения между декларациями и практикой можно отметить постепенно накапливающиеся ситуации несоответствия ожиданий реальному исходу в случае реконструкций каких-либо объектов, связанных с памятью о войне. Примером подобного расхождения может быть печальная реконструкция в Ельце памятника художнику Н. Н. Жукову (рис. 3) – известному военному художнику-корреспонденту и автору многочисленных зарисовок Нюрнбергского трибунала. Итальянский мрамор был заменен на кирпич, имитирующий гвардейскую ленту. Подобные опыты реконструкции, безусловно, говорят о совершенно непередаваемом эстетическом горизонте местной власти, допустившей такое расхождение с изначальной задумкой скульптора.

5. Хореография мероприятий. Практически каждое мероприятие коммеморации предполагает, что в нем присутствует власть, стало быть, именно она является ключевым распорядителем и зрителем. Власть находится в первых рядах. Именно на нее направлены объективы камер, и именно она подчиняет себе общественное внимание наряду с самим торжественным поводом. Власть перерезает ленточки, произносит приветственное слово, открывает мероприятия. Именно эти технические моменты являются носителями вируса недовольства, что происходит и на самом деле.

Необходимость присутствия представителей власти на мероприятиях по коммеморации является частью схемы, где заранее расписываются хореографические эффекты и последовательность выступления. Показательно, как в случае с праздничными событиями 9 Мая определена позиция власти. Власть следует за военным парадом. Вместе с представителями администрации, как правило, идут влиятельные представители РПЦ. После них – Бессмертный полк. Такая очередность выступает дополнительным доказательством иерархичности политического пространства. Подтверждением хореографичности политики памяти является затруднение доступа к параду со стороны обычных людей. Для посещения парада требуется пригласительный билет, а непосредственное место парада огораживается.

В частности, еще в 2019 г. И. Г. Артамонов, будучи в статусе исполняющего обязанности главы администрации Липецкой области, дважды поучаствовал в шествии «Бессмертного полка» – в Ельце и Липецке. Необходимость участия власти в символически важных мероприятиях заставляет ее представителей достаточно усердно и внимательно соблюдать политическую хореографию мероприятий. Безусловно, подобный опыт был важен для И. Г. Артамонова, и нет

публичных инициатив и творческих лабораторий. Безусловно, сама инициатива выглядит вполне позитивной, если освободить ее от политического контекста.

Рисунок 3 – Памятник художнику Н. Н. Жукову в Ельце в период реконструкции (фото из архива автора)

Figure 3 – Monument to the painter N.N. Zhukov in Yelets during reconstruction (photo from the author's personal archive)

сомнений, что он был позитивно воспринят со стороны его потенциальных избирателей.

6. Приблизительность интерпретаций. Важной проблемой для системы власти России сегодня становится ротация чиновничьих кадров. Омоложение чиновничества, с одной стороны, является объективным процессом и важно для функционирования власти. С другой стороны, нынешние молодые чиновники не являются столь символически зависимыми от героических событий прошлого на контрасте с их предшественниками. Их интеллектуальный бэкграунд может значительно уступать набору представлений чиновников советского призыва, бывших комсомольцев, выпускников вузов конца 1990-х гг. События Второй мировой войны представляются в формате ЕГЭ, что несет в себе высокие риски приблизительности последующих официальных оценок и комментариев в публичном дискурсе. Значительное кадровое омоложение мы видим и на примере пресс-служб, ответственных за подготовку официальных текстов. Поэтому меседжи власти могут выглядеть чрезмерно расплывчато, приблизительно, не совсем точно. Такие сигналы следуют из многих субъектов РФ.

С каждым новым витком истории, появлением новых точек отсчета, сопровождающих смену политических элит, как отмечает П. Хаттон (2004), «коммеморативные практики прошлых эпох могут быть теперь разобраны с бесстрастной отчужденностью» (с. 49).

Приблизительность интерпретаций можно увидеть и на примере памятника танкистам 150-й отдельной танковой бригады (рис. 4), освобождавшей Елец в декабре 1941 г. Вопрос достоверности используемой в памятнике модели танка и его связи с событиями, к памяти которых должен отправлять монумент, безусловно, вызывает вопросы. Танк Т-72 заменяет танк Т-34, который в то время мог использоваться в освобождении города.

Рисунок 4 – Памятник танкистам, освобождавшим Елец в декабре 1941 г. (фото из архива автора)

Figure 4 – Monument to tankmen who liberated Yelets in December 1941 (photo from the author's personal archive)

Приблизительность интерпретации событий Великой Победы присутствует и в ситуациях, когда о войне рассказывают те, кто не имеет к ней прямого отношения. Реальных ветеранов с каждой праздничной датой становится меньше, поэтому все чаще можно увидеть случаи, когда о ней рассказывают представители военных ветеранских организаций, военные пенсионеры, краеведы и т. д. Потенциал недовольства изначально будет заложен в историях о войне, написанных издали, «сверху», и рассказываемых менторским, холодным тоном, либо, наоборот, с позиций игры, карнавальности.

Приблизительность интерпретаций увеличивается по мере расширения количества акторов, участвующих в производстве политики памяти. Голос прошлого становится все глуше, однако все больше акторов пытаются зафиксировать в нем свои интересы и акцентировать внимание на своих собственных героях, представляющих те или иные институты. Так, в политику памяти включаются РПЦ, Нотариальная палата РФ, Прокуратура РФ, ветеранские организации, многочисленные потомки влиятельных родов и династий. Истории участия в политике памяти имеют свои доказательства, потому как уже зафиксированы в пространстве Липецкой области. Следует отметить деятельность и поисковых, и экспедиционных отрядов, делающих важную работу по уточнению исторических событий войны. Подобные отряды сегодня организованы практически в каждом муниципальном районе Липецкой области. Появляется и новый жанр рассказа поисковиков о собственной деятельности⁶.

Участвуют в политике памяти о Великой Отечественной войне и альтернативные акторы, подвергающие историю войны авторской деконструкции. Равно как и со стороны власти, у данных акторов может присутствовать и не совсем позитивный опыт работы с прошлым⁷.

Параллельная политика памяти может встречать со стороны власти и молчаливое равнодушие, в лучшем случае – невмешательство. К слову, так было в Липецке с неофициальным открытием инициативной группой бюста Гагарина, вывезенного из заброшенного пионерского лагеря⁸. О позиции власти говорит один только факт, что инициативная группа добивалась лояльности власти в течение последних 10 лет. Бюст установили только в апреле 2021 г.

Заключение

Таким образом, в политике памяти, осуществляющейся на территории Липецкой области, акцент на события Великой Отечественной войны является неизбежным. В настоящий момент вряд ли существует равная по силе тема для многочисленных обращений и попыток деконструкции со стороны тех или иных акторов. Вместе с тем, несмотря на объективно важные кейсы работы с памятью (деятельность поисковиков, открытие мемориальных досок и т. д.), в поли-

---

⁶ Так, П. Лаврищев из поискового отряда «Зверобой» рассказывает о найденном истребителе ЛаГГ-3 и английском танке «Матильда». Эффективность поисковых практик увеличивается по мере развития глобальной Сети на контрасте с 1990-ми гг., когда, как отмечает П. Лаврищев, «у нас был только шуп, штыковая и совковая лопата». Подробнее см. *Пока не найден последний солдат* (2021, май). Взято 3 сентября 2021, с https://litsa.lpgzt.ru/pdf/LITSA_5_2021.pdf

⁷ Интересна недавняя история с одним депутатом из Воловского района Липецкой области. Подробнее см. *Сельский житель хранил в гараже боеприпасы, в том числе фугасный снаряд* (2021, 16 марта). Взято 3 сентября 2021, с https://lipetskmedia.ru/news/view/144161-Syelskiii_zhityel.html

⁸ О сложной истории диалога инициативной группы с липецкой властью см. *В Липецке установили новый памятник Гагарину* (без даты). Взято 3 октября 2021, с <https://gorod48.ru/news/1912429/>

тике памяти могут существовать определенные спорные фигуры. По их поводу неизбежно открываются дискуссии. Большое количество акторов, участвующих в производстве политики памяти, неизбежно наполняет сами практики видимым разнообразием форм и интерпретаций. В Липецкой области присутствуют практически все сюжеты недовольства, описанные А. Ассман. Следует отметить, что любая инициатива политики памяти несет в себе сильное политическое напряжение, потому как рассматривается в дискурсе власти, требующем соблюдения определенных правил игры и моделей подчинения. Тем не менее в каждом кейсе коммеморации причудливо переплетается история самого общества с его героическими и трагическими моментами, личными и семейными историями, что зачастую противоречит официальной линии.

Список литературы

1. Андерсен, Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Кучково поле.
2. Арендт, Х. (2003). *Люди в темные времена*. М.: Московская школа политических исследований.
3. Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
4. Барт, Р. (1989). *Избранные работы. Семиотика. Поэтика*. М.: Прогресс.
5. Боднар, А. (1991). Историческая обусловленность политических действий. Политическая система и историческая почва. В *Элементы теории политики* (с. 292–307). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета.
6. Дебор, Г. (2011). *Общество спектакля*. М.: Орудошитель.
7. Лихачев, Д.С. (1989). *Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет*. Л.: Советский писатель.
8. Лосев, А. Ф. (1991). *Философия. Мифология. Культура*. М.: Издательство политической литературы.
9. Маколи, М. (2011). Историческая память и общество сограждан. *Pro et Contra*, 15(1–2), 134–149.
10. Неизвестный, Э. (1991). *Говорит Неизвестный*. Пермь: Пермские новости.
11. Русакова, О. Ф., Кочнева, Е. Д. (2017). Оценки октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. *Дискурс-Пи*, (3–4), 17–30. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.1730>
12. Скиперских, А. В. (2017). История российской провинции в мемориальной культуре: политическое конструирование. *Вестник Томского государственного университета. История*, (47), 121–127. <https://doi.org/10.17223/19988613/47/17>
13. Хаттон, П. (2004). *История как искусство памяти*. М.: Владимир Даль.
14. Щербинина, Н.Г. (2002). *Герой и антигерой в политике России*. М.: Весь мир.

References

1. Andersen, B. (2016). *Voobrazhayemyye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
2. Arendt, H. (2003). *Lyudi v tymnye vremena* [Men in dark times]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
3. Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memoreal'noj kul'turoj* [New dissatisfaction with memory culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Barthes, R. (1989). *Izbrannye raboty. Semiotika. Poehtika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress.
5. Bodnar, A. (1991). Istoricheskaya obuslovlennost' politicheskij deystvij. Politicheskaya sistema i istoricheskaya pochva [Historical conditionality of political action. Political system and historical soil]. In *Elementy teorii politiki* (pp. 292–307). Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta.
6. Debord, G. (2011). *Obshchestvo spektaklia* [The society of the spectacle]. Moscow: Opustoshitel'.
7. Hutton, P. (2004). *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an art of memory]. Moscow: Vladimir Dal'.
8. Likhachov, D.S. (1989). *zametki i nablyudeniya. Iz zapisnykh knizhek raznykh let* [Notes and observations. From notebooks of different years]. Leningrad: Sovetskij pisatel'.
9. Losev, A.F. (1991). *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
10. Makoli, M. (2011). Istoricheskaya pamyat' i obshchestvo sograzhdan [Historical memory and community of fellow citizens]. *Pro et Contra*, 15(1–2), 134–149.
11. Neizvestny, E. (1991). *Govorit Neizvestnyj* [Neizvestny Says]. Perm: Permskie novosti.
12. Rusakova, O.F., & Kochneva, E.D. (2017). Ocenki oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati [Evaluations of October revolution in the official discourse of the politics of memory]. *Diskurs-Pi*, (3–4), 17–30. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.1730>
13. Shcherbinina, N.G. (2002). *Geroj i antigeroy v politike Rossii* [Hero and antihero in Russian politics]. Moscow: Ves' mir.
14. Skiperskikh, A.V. (2017). Istoriya rossijskoj provintsii v memorial'noj culture: politicheskoe ekonstruirovaniye [History of the Russian province in the memorial culture: Political construction]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*, (47), 121–127. <https://doi.org/10.17223/19988613/47/17>

Информация об авторе

Александр Владимирович Скиперских, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Елец, Россия, e-mail: pisatels@mail.ru

Information about the author

Aleksandr Vladimirovich Skiperskikh, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Science, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, e-mail: pisatels@mail.ru